

Борис Алексеевич Акимов

осознаем итоги квантовой революции, то поймем, что из самой логики квантовой физики, да и вообще из логики устройства научного мира вытекает ответственность каждого человека за мир, за вселенную.

Ведущий: Кто носитель русской идеи?

Борис Акимов: Я со своей колокольни буду говорить. Это люди, которые стали героями и вдохновителями нашего проекта «Россия 2062». Они могут быть на самом деле совершенно не философами, и некоторые из них не склонны к тому, чтобы размышлять, почему они живут именно такой жизнью, а не другой, но они к этому пришли через практический опыт. Эти люди практикой своей жизни доказывают, что бытие может быть совершенно другим, совершенно революционным по отношению к нынешнему дискурсу человеческой эффективности. Они есть носители русской идеи.

Доклад 38.

Путь парности и путь монашества – стремление к божественной любви

Игорь Георгиевич Зырянов

Психолог, религиовед, исследователь традиций. Священник Русской православной церкви. Основатель и директор Фонда поддержки инициатив милосердия и осознанности «Путь сердца».

Большое спасибо за возможность поделиться сегодня идеями по поводу онтологии русской философии и русскости, или русской цивилизации как таковой. Конечно, тема огромная на самом деле, поэтому я бы хотел сделать свой доклад достаточно узким, достаточно конкретным. И я бы хотел взять три аспекта русской философии, русскости.

Первый из них – стремление к Богу. Когда мы говорим о стремлении к Богу, мы говорим о том, что русской традиции, или русскости, принадлежит какая-то особая мотивация, особое движение, когда люди стремятся за границы самих себя, стремятся выйти за границы переживания трансперсонального опыта в реальном мире. И, безусловно, мы видим это в наших святых, которые были на территории Руси, мы видим это в самом выборе православия, так как эта традиция была наиболее мистической в то время. Григорий Палама заявил о том, что мы все-таки можем буквально, реально переживать божественную благодать, переживать божественные энергии и взаимодействовать с ними не просто ментально, не просто размышляя о них, а реально. Все это наследие буквально легло на эту почву, которая характеризуется как раз этой идеей, внутренней, безусловно, идеей, внутренней силой, внутренним двигателем, который стремится к Богу. И это разлито в каком-то гене ДНК русского человека и кого ни возьми, где ни возьми, когда человек в глубоком кризисе, он плача стремится к Богу, он может быть пьяным, но он плача стремится к Богу. В хорошестьи, в каких-то вещах, и это видно сегодня, это видно в дни революции, при любых царях, это в истории видно, что стремление к Богу какое-то непередаваемое. И больше такого стремления в каких-то других цивилизациях не видно, по крайней мере оно не столь заметно.

И эти замечательные пословицы о Боге, которых огромное количество, например «без Бога не до порога» и т. п., эти пословицы как будто рождаются из внутреннего осознания, из внутренней души русскости русского человека и показывают это стремление, это движение, этот порыв. Причем интересно, что порыв может быть действительно порывом, то есть когда человек действительно горит, летит к Богу, но при этом он может сгорать и возвращаться обратно, к чему-то другому. И этот порыв, это стремление, этот двигатель образует как бы два жизненных пути, и один путь очень воспет у нас в религии, в традициях – это путь монашества. И монашества не просто какого-то мягкого, равновесного толка, а путь радикального монашества: если это Серафим Саровский, то в лес, на камень, на много дней, там медведи, волки. Если Пафнутий Боровский, то монастырь, в глуши, в тайге. И это герои веры, это герои Христа, православия, чтобы конкретно и радикально, чтобы по-настоящему, чтобы без всякого временного. У католиков, например, можно принять обеты на год, то есть временные, а после – передумать. Нет, у нас такого быть не должно, то есть принял, значит, до конца, если крещение, то головой при минус тридцати в ледяную воду.

Такой радикализм присущ вообще характеру русского человека, и он проявляется. И монашество я описываю как некий путь, стремление к Богу, да, вот такой путь. Если монашество, то до конца, и есть сейчас многие монахи, которые как бы не довольны. Люди Запада приезжают, говорят: «Здорово, монастырь, все работает, все замечательно», – но радикализма недостаточно, недостаточно вот этого стремления к Богу, чтобы переживать, чтобы двигаться. Причем это ведь не только в православии, если мы возьмем другие религии, другие направления, которые находятся на территории цивилизации, то они проявляются и выражаются точно так же. Например, у протестантов, с которыми я очень хорошо знаком, ведь русские протестанты тоже достаточно радикальны, и они радикальны тоже из-за этого стремления к настоящему познанию Бога, к настоящему выходу за свои пределы, пределы своего сознания. Если молиться за больных, то видеть чудеса, а не просто молиться ради утешения. Если встречаться с какими-то откровениями, с какими-то инсайтами духовными, то реально встречаться с ними, а не просто выдумывать их или что-то подобное.

Второй путь – это путь парности, путь семьи, которому я хотел уделить больше внимания, поскольку он как будто бы менее известен сегодня, потому что нападки на семью и разрушение института семьи грандиозны сегодня, то есть постоянно идеалы семьи разрушаются. Даже когда начинаешь говорить с кем-то о семье... Сегодня говорят,

что это скучно, это как бы неинтересно, где приключения. Но в действительности все-таки семья, в первую очередь как пара, муж и жена, двое, это то, что было также воспринято как некий духовный путь, то есть я говорю о семье не просто как о чем-то житейском (двое живут и живут), а именно как о духовном пути. И он настолько реальный и настолько обоснованный, что (об этом писали в XIX, XVIII, XVII веках и еще раньше), монахи говорили, «наверное, семейный путь я бы не осилил, слишком тяжело для меня, только монашеский, я по легкому пути пошел». И это очень удивительно, что семья воспринимается как некий духовный путь, как путь духовного развития человека, путь развития личности. Это действительно тот отголосок из рая, который остался сегодня.

Ведь семья, если мы смотрим на Священное Писание, на Библию, появилась до всякого института, не было еще ни государства, ни царей, ни судей, вообще ничего не было, а появилась семья. Да и в тексте Священного Писания мы читаем удивительные слова, в первой главе Бытия, двадцать седьмой стих: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Вот как интересно, что Бог творит человека, мужчину и женщину – человека. И реальный осколочек, который остался из того рая, что был, это семья, это отношения, это парность. Когда я говорю о парности, это не просто муж и жена вместе, это некоторое взаимодействие, это некий треугольник, в котором есть муж, жена и Бог. То есть это стремление к Богу так выражалось и сегодня немного потерялось, но мне кажется, что эти идеи ценности семьи как божественного провидения все-таки существуют, все-таки развиваются и двигаются. И в своей личной практике (я также психолог), когда я занимаюсь семейной терапией, мы с женой занимаемся психотерапией, мы всегда говорим о том, что есть треугольник, есть муж, жена и Бог. Если Бога не помещать в семью, то это получается что-то непонятное. А здесь по-другому, а здесь путь, путь к Богу через семью, когда ты в жене видишь любовь Божию, проявленную любовь, или заботу Божию, или, наоборот, какие-то препятствия для тебя, чтобы ты смирился, потому что монах смиряется в монастыре, а женатый человек где будет смиряться – а он смиряется в семье.

И это такой удивительный путь, и в нем тоже есть определенный радикализм, и, конечно же, это выражено в огромном количестве русских народных, древних сказок – поэм и в то же время поговорок. Это такой огромный пласт, который поднимает эту ценность – ценность семьи не просто как какой-то ячейки общества, не просто как средства выжива-

ния нации, а именно как духовного пути, именно реализации этого дикого, невероятно мощного стремления к Богу, стремления обрести Его.

И в парности возможно обретение тех же инсайтов и тех же положений, как и в монашестве. И здесь и там это путь равночастный, равнозначный. И здесь и там двигатель этого – путь к духовности, путь к высоте. При этом интересно, что третий аспект, который я хотел озвучить, это наполненность пути, этих путей, состраданием и милосердием или, по-другому можно сказать, доброделием – это отличительная черта русскости. Конечно, сострадание разлито в религиях, буддизм говорит о сострадании, индуизм говорит о сострадании, ислам очень много говорит о сострадании, и христианство как таковое тоже говорит много о сострадании. Но именно в преломлении русской философии Христос абсолютно страдающий, абсолютно любящий, абсолютно милосердствующий и доброделиющий, и люди такие же, и неважно, это князь, или это купец, или это простой человек. И конечно, мы видим это преломление в философах, например во Льве Николаевиче Толстом, который настолько поднял планку сострадания и милосердия, вступив в конфликт с церковью и объявив о том, что оно абсолютно, он говорил, что любовь божия – это единственный смысл человеческой жизни. Сострадание настолько сильное, что даже люди, которые буквально выживали, бедные крестьяне, они и то делали определенные действия на духовном пути сострадания.

Я уже говорил о том, что православие базируется, очень сильно базируется на трудах Григория Паламы, и этот же Григорий Палама дал удивительное объяснение знаменитой притче Иисуса Христа о том, как девы собрались ждать жениха, и часть из них были благоразумными девами, а часть – неблагоразумными. И благоразумные запаслись маслом, а неблагоразумные не запаслись. И в полночь раздался крик: «Жених идет». И светильники неблагоразумных погасли. Они говорят: «Дайте нам масла», – а им отвечают: «Ну как, мы не можем, это наше». Тогда неблагоразумные решили масло купить и убежали, а благоразумные поправили светильники и встретили жениха, жених зашел и затворил дверь. И когда пришли неблагоразумные и начали стучаться, жених им сказал, что больше уже никого не впустит. Это очень интересная и многозначная притча Господа Иисуса Христа, и Григорий Палама говорит, что душа каждого из нас подобна лампаде, делание добра подобно елею, вот этому маслу, которое наливается, а любовь – это фитиль, на котором, как свет, почивает благодать божественного духа. Когда недостаточно масла, то есть доброделия, то любовь иссякает и свет божественной благодати гаснет, потому что любовь и добродетель, исчезая,

уносят с собой и благодатные дарования, когда же Бог отвергает лицо свое, наступает полный мрак. Это «очень по-русски», так скажем. Как ждать Христа? Доброделием ждать Христа. Мы делаем добро, и тогда любовь начинает загораться, проявляться и делать всё.

Сейчас есть такой проект на канале Синодального отдела по благотворительности Русской православной церкви, «Добрые дела» называется, они пишут о простых людях, о разных людях, князьях, дворянах, купцах, которые делали добро. И называются суммы, просто фантастические, удивительные. И это не говоря еще о гигантах благотворительности, которые жертвовали по сегодняшним ценам буквально миллиарды, раздавая все свое имение и уходя в монастырь. И это по-русски, это в духе русскости. То было такое стремление к Богу, что поступали таким образом. А еще была тенденция у дворян – живем в семье, пережили какое-то время, детей вырастили, а под старость мы расходимся и идем в монастыри, чтобы молиться Богу сугубо. То есть соединяется в одной жизни и семейный путь, и монашеский, но об этом мы меньше знаем. Больше мы знаем о ссылках в монастыри, о том, что человек хотел жениться второй раз, третий раз и отправлял жену куда-то в монастырь. А здесь настолько по-настоящему.

«Человек милосердствующий – врач души своей» – это цитата из Исаака Сирина, который также очень полюбился русскому православию, и тексты его молитв читают перед Великим постом. Он говорил: «Человек милосердствующий есть врач души своей, потому что как бы силой ветра из сердца своего разгоняет он омрачения страстей». Это идея, что, если ты делаешь добро, ты лечишь душу свою. Она отличается от других мотивов сострадания, других мотивов, например, индуистского мира. Там мы получаем заслуги через доброделие, то есть мы делаем добро, значит, мы что-то заслуживаем. В католическом мире тоже: мы, с одной стороны, делаем добро, потому что Христос нам заповедовал, это послушание, с другой стороны, мы что-то себе зарабатываем. В протестантском мире мы делаем добро, потому что Бог нас возлюбил, и из этой любви мы стремимся что-то сделать.

Есть еще более высокий уровень – видеть в человеке Христа и оказывать ему честь, есть такие гиганты духа. Но мы посмотрим в этом преломлении: человек милосердный – врач души. То есть не зарабатывать что-то, не заслуживать, а просто там у меня болит, и я какое-то лекарство принимаю, я добро делаю. То есть оно очень странным образом заходит в нас и до сих пор будто бы сидит у нас в генах. Приходит, например, богатый человек пожертвовать на храм, и многие критикуют, вот, мол, бизнесмен, значит, в пороках каких-то погряз, буквально человек есть,

а еще деньги на храм. Да нет, он душу пришел подлечить свою, хотя бы немножко, хотя бы как-то помочь, на детские дома, на что-то другое. И это уникально. Это именно преломление русскости, такого направления. Конечно, русские писатели, творческие люди, которые, естественно, в творчестве чувствуют это Божественное измерение, другое измерение, безусловно, пишут потрясающие вещи о милосердии и сострадании, тот же Лев Николаевич Толстой, тот же Достоевский, который сказал, что «сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества. Тоже такая хорошая черта, и она именно такая русская, что Достоевский не просто, как говорится, отрубил, а сказал, что, «может быть», единственная черта. И это все проявляется и впитывается цивилизационно и, какие бы жестокости ни происходили, сострадание все равно проявляется.

Ну, например, возьмем такой большой пласт нашей истории, как колонизация Сибири; когда государство Российское Сибирью прирастать собралось и отправляло туда людей, кто шел в Сибирь? Казаки или люди, которым говорили, что либо их повесят, либо они пойдут дело государево делать. Приходили вот такие ребята, разбойники и т. д. И тем не менее не происходило ничего подобного колонизации земель, например, протестантами или католиками, которые, когда пришли, сказали, что ваши языки – это языки дьявола, все давайте учить латынь, португальский и голландский. В Латинской Америке, мы знаем, от языков почти ничего не осталось и от народов, в принципе, почти ничего не осталось, то есть, раз вы такие, то вы должны стремиться. Протестанты почему-то поступали еще жестче: была вообще такая идея, что индейцы – это дети дьявола, давайте им одеяло с чумой кинем или еще что-то подобное, то есть происходило уничтожение племен, уничтожение народностей, этносов и т. д.

А ведь в Сибири ничего подобного не было, посмотрите, от Уральских гор до Тихого океана живет 43 коренных народа, маленьких, но там не было ничего такого. Или, например, бурятский народ, на сегодня их 450 тысяч человек, и это не малый народ, тем не менее в истории колонизации уважение было; безусловно, были стычки, безусловно, какие-то казаки, далеко не все, беспредельничали, это было, но тем не менее было уважение. Архиепископ Нил в 1635 году уже перевел литургию на бурятский язык, никто не говорил, что бурятский язык – это язык дьявола, все говорили – нет, надо переводить. И уже в середине XVII века служилась литургия на бурятском языке, уже тексты переводились. Великий Иннокентий Московский, он родился в Иркутской области, апостол Америки, переводил на алеутский язык, азбуку им со-

здал. То есть не приехали и сказали: «Вы тут ничего не знаете, значит, мы самые великие», а было милосердование, то, что внутри, оно срабатывает, даже если человек разбойник, даже если человек злодей, оно все равно срабатывает. вспомните стихи про разбойников, «был атаман Кудеяр, много разбойники пролили крови честных христиан, много богатства награбили, жили в глухом лесу... Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил...», и он пошел и покаялся, вырыл все богатство и отдал все в монастырь. Вот это русскость, такое стремление, вроде совесть разбудил, значит, должен пойти и жить как нормальный человек, но нет, нужно радикально. Вот я жил неправильно, а нужно к Богу стремиться, я пойду в монастырь, я пойду до конца.

И это стремление, мне кажется, характеризует русскость как нельзя лучше, это невероятное стремление к Богу, причем не просто к Богу как некоторому объекту, а стремление к некоему трансперсональному опыту, к реальному переживанию Бога, реализующееся в монашеском пути, в парном пути, внутри которых пульсирует это стремление к состраданию, к милосердию, к доброделанию. Вот чем я хотел бы сегодня поделиться в рамках этого замечательного события, Большого Философского Собора.